

**ОБЩАЯ ЛИНИЯ ЖИЗНИ И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
УСПЕШНОСТИ В АВТОБИОГРАФИЯХ
И АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ИНТЕРВЬЮ
ЖЕНЩИН-УЧЕНЫХ***

Н.А. Пушкарева

N.L. Pushkareva

Институт этнологии
и антропологии РАН

Institute of Ethnology and
Anthropology,
Russian Academy of Sciences

Изучение повседневности женщин, занятых профессиональным трудом в Российской Академии наук – новая тема для российской историографии. В статье делается попытка реконструировать особенности повседневной жизни небольшой привилегированной группы – женщин, защитивших докторские диссертации, – используя методы и материалы устной истории. Предлагая пример изучения «истории памяти» на исследовательском поле женской истории, автор размышляет о том, как общие практики и ритуалы коммеморации о значимых событиях жизни конструируют чувство общности, формируют культурную идентичность и в то же время сохраняют патриархальные стереотипы.

Ключевые слова: повседневность женщин, устная история, Российская Академия наук, женщины – доктора наук.

**GENERAL LIFE-LINE AND REPRESENTATION OF SUCCESS
IN AUTOBIOGRAPHIES AND AUTOBIOGRAPHICAL INTERVIEWS
OF WOMEN-ACADEMICS**

The topic of everyday life of women professionally occupied in Russian Academy of Sciences emerged in Russian historiography only recently. The article attempts to reconstruct the features of everyday life of a small privileged group of women professors using the oral history method/sources for research. Giving an example of memory studies in the field of women's studies the author consider how public rituals and the commemoration of some life significant events facilitate a sense of community, shape cultural identity, and in the same time promote patriarchal stereotypes.

---

* Статья написана при поддержке РГНФ, проект N 11-01-00283а.

Keywords: everyday life of women, oral history, Russian Academy of Sciences, women professors.

e-mail: pushkarev[at]mail.ru

Картину эволюции русской культуры, науки и образования давно уже стоит пополнить и расширить за счет возвращения ей забытых женских имен. Именно имена женщин-ученых, их жизненный путь, отношение к ним в российском и зарубежном научном мире требуют особого фокуса исследовательского внимания и особого круга источников. Речь не только об исторических портретах отдельных ярких представительниц русской науки, не только о статистике или, точнее, не столько о них. С помощью эгодокументов (источников личного происхождения) можно, наконец, сделать видимыми и слышимыми тех многочисленных тружениц науки, которые не настолько заметны, сколь математик С.В. Ковалевская, философ Е.П. Блаватская или фармацевт З.В. Ермольева (послужившая прототипом главной героини «Открытой книги» Вениамина Каверина). Речь о тех, кто не были столь ярки, не столь памятны в истории, и все же, самоотверженно отдавали и отдают свои силы и знания развитию отечественного гуманитарного, математического и естественнонаучного знания, а до определенного времени способствовали его процветанию (поскольку до поры отечественная наука была в мировом масштабе конкурентоспособной и самобытной).

Эгодокументы – как раз тот самый тип источников, который позволяет искать и находить причины воспроизводства дискриминирующих гендерных стереотипов. Эти стереотипы живучи и кажутся неизбывными, непреодолимыми, поскольку их существование часто увязывают с природными различиями между мужчинами и женщинами. Однако они, как показывает анализ, социально сконструированы, а потому вовсе не неизбывны.

Без исследования истории представленности женщин в научном сообществе, изучения их жизненных путей, включенности в профессиональное поле как результата жизненного (и профессионального) выбора нам не понять, почему на протяжении десятилетий истории русской науки и культуры гендерные стереотипы мешали женщинам быть заметными в своей профессии. Без понимания их самоопределения внутри профессионального сообщества, без выявления их места в разные периоды развития русской науки, в том числе – женских установок на то, чтобы в ней оставаться, без изучения отношения самого сообщества к женщинам-ученым нам не будет ясно, что мешает им занять подобающее, достойное их научному вкладу место в системе научного администрирования, на ключевых постах управления научно-образовательной политикой.

Поэтому к теме «история женщин в русской науке» я обращаюсь вновь и вновь на протяжении уже многих лет¹, и она оказалась неисчерпаемой.

Данная статья продолжает опубликованное ранее.

В ней ставится вопрос о том, насколько различны жизненные и научные пути мужчин и женщин в науке и как эти различия видятся именно женщинам. К какого рода выводам, важным для историка культуры (и историка женщин), приводит анализ автобиографий и интервью с женщинами-учеными в этом плане? Выявлять не столько об-

---

¹ Пушкарева Н.Л. Первые российские женщины-ученые: опыт типизации индивидуальных жизненных стратегий // Женщины в отечественной науке и образовании / отв. ред. А.И. Евстратова. Кострома, 1997. С. 3–8; Пушкарева Н.Л. Образованные женщины и женщины-ученые в исторических судьбах России X–XX вв. // Lomonosow. 2002. № 3. С. 5–26; Пушкарева Н.Л. Умные, но бедные. Повседневный быт женщин-ученых в советской и постсоветской России // VI Конгресс этнологов и антропологов России. СПб., 2005. С. 290–291; Пушкарева Н.Л. Женщины-ученые в постсоветском фольклоре // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 39–59; Пушкарева Н.Л. Этнография современной российской науки: гендерный аспект // Российское общество. Гендерное измерение / отв. ред. Л.С.Егорова и др. Иваново, 2006. С. 5–32; Пушкарева Н.Л. Женщины-ученые в постсоветском фольклоре // Вестник РГНФ. № 1 (46). 2007. С. 30–40; Пушкарева Н.Л. Libido academica (гендерный аспект просопологии академической жизни) // Антропологический форум. Вып. 14. 2011. С. 168–192; Пушкарева Н.Л. «Да зачем мне это нужно?» Почему российские женщины-ученые не «врвутся спесиво» к научной славе? // Жизнь в женском свете. Тверь, 2012. С. 161–173; Пушкарева Н.Л. «Новые нищие»: российская наука на рубеже тысячелетий и ее женские кадры // Россия и мир: вчера, сегодня, завтра. Проблемы психологии и образования / ред. Л.В. Тычнина. М., 2012. С. 5–23; Пушкарева Н.Л. Наука – не женское дело? К истории феминизации российской науки в начале XXI века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2012. № 14. Вып. 2. С. 105–121; Пушкарева Н.Л. Женщины-историки в России 1800–1917 // Вестник Пермского университета. 2012. Выпуск 1(18). С. 228–246. [Pushkareva N.L. Pervye rossiiskie zhenshchiny-uchenye: opyt tipizatsii individual'nykh zhiznennykh strategii // Zhenshchiny v otechestvennoy nauke i obrazovanii / Otv. red. A.I. Evstratova. Kostroma, 1997. С. 3–8; Pushkareva N.L. Obrazovannyye zhenshchiny i zhenshchiny-uchenye v istoricheskikh sud'bakh Rossii X–XX vv. // Lomonosow. 2002. № 3. С. 5–26; Pushkareva N.L. Umnye, no bednye. Povsednevnyi byt zhenshchin-uchenyykh v sovetsoy skoy i postsovetsoy skoy Rossii // VI Kongress etnologov i antropologov Rossii. SPb., 2005. S. 290–291; Pushkareva N.L. Zhenshchiny-uchenye v postsovetsoy skom fol'klore // Etnograficheskoe obozrenie. 2006. № 4. S. 39–59; Pushkareva N.L. Etnografiia sovremennoy rossiiskoy nauki: gendernyy aspekt // Rossiiskoe obshchestvo. Gendernoe izmerenie / otv. red. L.S.Egorova i dr. Ivanovo, 2006. S. 5–32; Pushkareva N.L. Zhenshchiny-uchenye v postsovetsoy skom fol'klore // Vestnik RGNF. № 1 (46). 2007. S. 30–40; Pushkareva N.L. Libido academica (gendernyy aspekt prosopologii akademicheskoy zhizni) // Antropologicheskii forum. Vyp. 14. 2011. С. 168–192; Pushkareva N.L. «Da zachen mne eto nuzhno?» Pochemu rossiiskie zhenshchiny-uchenye ne «vrutsia spesivo» k nauchnoy slave? // Zhizn' v zhenskom svete. Tver', 2012. S. 161–173; Pushkareva N.L. «Novye nishchie»: rossiiskaia nauka na rubezhe tysyacheletii i ee zhenskyye kadry // Rossiia i mir: vchera, segodnia, zavtra. Problemy psikhologii i obrazovaniia / red. L.V. Tychinina. M., 2012. S. 5–23; Pushkareva N.L. Nauka – ne zhenskoe delo? K istorii feminizatsii rossiiskoy nauki v nachale XXI veka // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorii. 2012. № 14. Vyp. 2. S. 105–121; Pushkareva N.L. Zhenshchiny-istoriki v Rossii 1800–1917 // Vestnik Permskogo universiteta. 2012. Vyp. 1(18). S. 228–246].

щее, сколько именно *различия* призывает нас и феминистская наука или, точнее, гендерное измерение науки традиционной.

Прежде всего, задумаемся над тем, каково общее ощущение рассказчиц, излагающих истории собственных жизней (устно или письменно, то есть с нацеленностью на публикацию своих откровений). Считают ли эти женщины, что они находились *в ряду* других, таких же, как они, или же они своими историями настаивают, что были не похожи на других и даже *противостояли* им? Те, кто достиг значимых результатов, чаще говорят о противостоянии общей массе². Общей чертой интервью является стремление подчеркнуть достижимость поставленных целей, результативность работы над собой. Мемуаристки по-прежнему называют своих учителей (о женщинах – научных руководительницах, консультантах тогда в Европе не могло быть и речи, а в СССР не они – до начала 1960-х г. – определяли лицо науки), подчеркивая, что же именно ими было сделано для продвижения к цели. При этом (даже если попытаться настаивать) информантки (как в опубликованных текстах, так и в устных интервью) крайне редко говорят о том, *почему* они сделали выбор в пользу того или иного научного руководителя, зато очень много – о том, *что удалось сделать* под его руководством.

Стоит отметить, что в истории советской науки период 1950-х – начала 1970-х гг. был временем романтизации жизни ученых, что нашло отражение и в кино («Весна», «Девять дней одного года»), и в литературе (от «Открытой книги» В. Каверина до «Кафедры» И. Грековой). Ученый-мужчина, говоря о себе, мог иронизировать над тем прошлым своим, ушедшим ныне романтизмом, абстрагироваться от него. Иное дело – «женская природа». Никакого юмора и никаких насмешек в отношении пройденного пути, в скриптах проступает даже некоторая пафосность.

«Женщина-ученый – это исследователь и педагог-пропагандист, для неё аспиранты – не только единомышленники, но и дети, от их развития и вхождения в большую науку получаешь удовлетворение. Меня интересует судьба женщины-ученого в педагогике. Я написала книгу «Женщины в педагогической науке и образовании», где доказывается, что этим женщинам свойственна добродетель, установка на позитив, ответственность, трудолюбие, предвидение, интуиция. Это глубокие гуманитарии, они открывают даже то, что могло быть, в отличие от естествоиспытателей, которые открывают лишь то, что есть...»³.

² Indisch D., Lichtenberger-Fenz B. Hinter den Fassaden des Wissens. Frauen, Feminismus und Wissenschaft – eine aktuelle Debatte. Wien, 1999.

³ Особая судьба. Интервью с Т.И. Рудневой, зав. кафедрой теории и методики профессионального образования по итогам акции «Женщина Самарской области 2008 года» [Осо-

В воспоминаниях о науке 1960-х гг. и позже тема влияния и собственного примера научной руководительницы прослеживается четко и ясно. Их, женщин-ученых, просто численно стало больше, чем 1930-1950-е годы. Появились уникальные научные судьбы, как и имена женщин, защитивших докторские в возрасте до 40 лет (как это было у будущего академика Т.И. Заславской)⁴. И отношение появившихся женщин-профессоров к своим ученикам (-цам) было как раз таким, как описано выше – семейно-материнским. Одна из современных профессор-филологов рассказала, что после окончания МГУ пошла работать в школу, но случайно встретила «профессоршу», у которой писала диплом, и та «невозмутимо поинтересовалась», когда ее бывшая ученица подаст документы в аспирантуру. И тем... решила ее судьбу, увела из школьной практической деятельности, привлекла обратно в науку.

«Я крепко задумалась и пошла-таки в аспирантуру, под [ее] крылышко. Первое время, пока не определила свою тему, маялась, страдала, хотела все бросить и вернуться в школу. А потом не на шутку увлеклась. После защиты Клавдия Васильевна сказала в своей неподражаемой манере: «Могла бы и лучше»⁵.

Размышляя о зависимости научного становления и научной самостоятельности от выбора темы и направления научной работы, трудно не поставить вопроса о том, как в тот далекий момент решалась проблема выбора между приверженностью своему научному консультанту, его методикам, предложенным им темам и самостоятельностью. Не стоит забывать, что в рассматриваемое время научные сотрудники в российских НИИ отнюдь не были «вольными художниками» (пользуясь выражением одного из директоров Института истории СССР АН СССР, В.М. Хвостова). Они должны были планировать свою работу строго в соответствии со спущенными «сверху» приоритетными, а на самом деле, единственно возможными темами. В этом контексте важны признания практически всех респондентов: выбирали темы *сами* и за них приходилось *бороться*.

«Всегда все темы находила сама... За тему диссертационную [докторской] мне пришлось бороться... Я иногда думаю, не все решает труд. [Когда я писала ее] я сломала руку, потом ногу, пе-

---

baia sud'ba. Interv'iu s T.I. Rudnevoi, zav. kafedroi teorii i metodiki professional'nogo obrazovaniia po itogam aktsii «Zhenshchina Samarskoï oblasti 2008 goda» // Universite.ru. Информационный портал Самарского государственного университета. 02.03.09. URL: http://www.universite.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=322&Itemid=72

⁴ Заславская Т.И. «Я с детства знала, что самое интересное и достойное занятие – это наука» [Zaslavskaja T.I. «Ja s detstva znala, chto samoe interesnoe i dostoinoe zaniatie – eto nauka»]. URL: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/zaslavskaya_07.html

⁵ Ремнёва М.Л. «Мы были романтиками и любили читать» [Remneva M.L. «My byli romantikami i liubili chitat'»]. URL: <http://www.philol.msu.ru/~alumni/memories/remniova/>

рenessла тяжелую операцию. За это период резко ухудшилось здоровье мужа. Затем его смерть, болезнь и смерть дочери...»⁶.

«Начиналось все очень романтично, может быть даже идеалистично. Я в те времена была заместителем декана в пединституте, имела звание доцента. Мой уход из пединститута воспринимался как авантюра, потому что там было завоеванное положение, место, уважение... Но... было желание ввязаться в новое и интересное дело... показать себя в качестве организатора... Стали появляться люди, которые обладали зарядом творческой энергии. Со своими планами, своими интересами, и я бы сказала, с чисто человеческими качествами энтузиаста...»⁷.

Однако, как выясняется из этой «*гупографии*», именно освобождение от пут старого и желание ввязаться в новое дело определили и рывок вперед в научном отношении, и защиту респонденткой второй диссертации. Известная концепция о том, что специализация в гуманитарных и социальных науках более близка традиционным женским ролям, что «жесткие» дисциплины (математика, физика и т.д.) были и остаются «неженскими», характерна для мужской точки зрения⁸. Ни одна женщина в своем биографическом интервью об этом не обмолвилась. Можно сказать, что каждой женщине, идущей в науку, защищающей вначале первую, затем вторую диссертации, нужно было преодолеть три барьера: (1) мнение о том, что вообще-то наука – мужская сфера деятельности; (2) традиционную установку – «женщина не компетентна как ученый» (то есть только и может, что обслуживать настоящего 'творца науки' и вряд ли потянет самостоятельное исследование); (3) повседневную дискриминацию (неназначение на должности, согласие на половинную ставку или даже четверть ставки, занижение поэтому зарплаты при высоких научных достижениях, незначительность поощрений и научного признания)⁹. По поводу последнего одна из современных респонденток воскликнула:

⁶ Уварова Л.И. Своим путем [Uvarova L.I. Svoim putem] // Вопросы истории естествознания и техники [Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki]. 2003. № 1. С. 124.

⁷ Из воспоминаний Л.А. Шкатовой. Челябинский государственный университет [Из vospominanii L.A. Shkatovoi. Cheliabinskii gosudarstvennyi universitet]. URL: <http://www.csu.ru/main.asp?method=GetPage&p=853> (Л.А. Шкатова – первый декан истфила Челябинского госуниверситета (создан в 1976 г.), доктор филологических наук, профессор).

⁸ Мирская Е.З., Мартынова Е.А. Женщины-ученые: проблемы и перспективы // Социальная динамика современной науки [Mirskaja E.Z., Martynova E.A. Zhenshchiny-uchenye: problemy i perspektivy // Sotsial'naiia dinamika sovremennoi nauki]. М., 1995. С. 62.

⁹ Zuckerman H, Cole J. Women in American Science // Minerva. 1975. V. 13 (1). P. 82-84.

«Да можно ли вообразить, чтобы перспективную женщину-ученую сначала назначили заведовать каким-нибудь отделом, а потом подталкивали и подбадривали, защищай-мол, докторскую? Я таких случаев не знаю. А вот с молодыми людьми таких примеров – хоть отбавляй... Бывает даже так: сначала назначают, потом не дождутся – и «разжалуют» как неоправдавшего надежды... Всего этого с женщинами не происходит»¹⁰.

Суммируя, можно сказать: мужчина-работник считается хорошим, пока не докажет обратного; а женщина-работник считается второсортной (если не плохой), пока не докажет обратного. И многие, как показывают наши интервью, умеют доказать свою «профпригодность».

Репрезентация успешности у большинства опрошенных сходна. Как в опросах пятнадцатилетней давности, респондентки на первое место ставили как показатель успешности в науке «открытие в какой-либо области научного знания» (44% ответов) и «создание сильной научной школы» (36%)¹¹, так и поныне отношение к теме успешности мало переменялось... Понятие эффективности научного труда близко понятию его успешности, но не равно ему. В социологических опросах пятнадцати-двадцатилетней давности (когда наука еще не была доведена до того униженного состояния, в коем она пребывает сейчас) аналитики отметили существенные расхождения между «естественниками» и «гуманитариями» в определении показателей эффективности работы: хотя и те, и другие сочли «приглашение к совместной работе» главным и основным показателем признания эффективности сделанного ученым в науке, по вопросу же о том, что именно по значимости может считаться *вторым* после таких приглашений, разошлись во мнениях. «Естественники» выделили такой параметр, как «приглашение на научные стажировки», а «гуманитарии» расположили его далеко после таких показателей, как «приглашения на конференции», «компетентные отзывы о работе», «перевод труда на иностранные языки»¹². Не потому ли, что долговременные научные стажировки естественников всегда поощрялись (негласно) нашими чиновниками от науки, предпочитавшими отправлять за рубеж по межкакадемическому и безвалютному обмену, прежде всего, физиков, математиков, биологов, химиков-технологов (чтобы они заимствовали технологии, нужные промышленности) и лишь по остаточному принципу отправляли гуманитариев?

Рассказывая о защите докторской весной 1956 г. одна из мемуаристок, подчеркнув, что диссертацию ей удалось защитить «первой из

---

¹⁰ Историк. 1959 г., Москва // Запись 17.09.2007. Москва (архив автора) [Istorik. 1959 g., Moskva // Zapis' 17.09.2007. Moskva (arkhiv avtora)].

¹¹ Маликова Н.Н., Рыбакова О.В. Путь в науку [Malikova N.N., Rybakova O.V. Put' v nauku] // Социологический журнал [Sotsiologicheskii zhurnal]. 1995. № 1. С. 157.

¹² Маликова Н.Н., Рыбакова О.В. Указ. соч. [Malikova N.N., Rybakova O.V. Op.cit.] С. 156.

(женщин – Н.П.) своего поколения» в возрасте 42 лет (между защитой кандидатской и докторской прошли долгих 12 лет, как выяснилось, это была *обычная* разница между защитами в прежние, «доперестроечные» времена), отметила:

«Защита прошла хорошо, интересно. Оппоненты меня хвалили, но и спорили со мною. Однако результаты голосования оказались неважными: из 22 четверо против, двое воздержались. Это очень обидело меня... Один из крупнейших наших специалистов подошел, поцеловал руку и сказал: “Все ясно! Двое проголосовали против из зависти, двое – потому, что вы женщина, еще двое – антисемиты”... Ректор Томского университета подошел, стрельнул синими глазами и весело сказал: “Не обращайтесь внимания на черные шары! Все уже позади и никто уже больше их считать не будет”». ¹³

Однако очевидно, что и спустя 30-40 лет после события обиды той недооцененности не прошли ни у этой мемуаристки, ни у многих других, в чьих рассказах встречаются точно воспроизведенные фразы утешения после их блистательных защит и неожиданно брошенных против них «черных шаров» (например: «Один за папу, другой за маму! А ты не расстраивайся!»¹⁴). Это всё рубцы в психике этих женщин. И ничто их не может стереть.

Ни у одной женщины-ученой, написавшей воспоминания, не возникло желания рассказать о своем пройденном пути в науке как о череде беспрепятственных восхождений и достижений. Напротив, у каждой было и остается стремление агиографически выстроить историю своей жизни как череду преодолений, а защиту (защиты...) представить как катарсис.

«Моя жизнь не была отнюдь величавым шествием к научной славе. Было много горя, мук и даже отчаяния и в личной, и в общественной жизни. Мне кажется, что за то хорошее и отличное, что послал мне Бог, я заплатила полностью “невидимыми миру слезами”»¹⁵.

***

Женские биографические интервью, полученные женщинами-исследовательницами, – интересный и не так уж часто используемый

¹³ Гутнова Е.В. Пережитое [Gutnova E.V. Perezhitoe]. М., 2001. С. 296.

¹⁴ Историк. 1959 г., Москва // Архив автора. Запись 17.09.2007 [Istorik. 1959 g., Moskva // Arkhiv avtora. Zapis' 17.09.2007].

¹⁵ Заславская Т.И. «Я с детства знала, что самое интересное и достойное занятие – это наука» [Zaslavskaja T.I. «Ja s detstva znala, chto самое interesnoe i dostoinoe zaniatie – eto nauka»]. URL: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/zaslavskaya_07.html

специально исторический источник. Они занимают промежуточное положение между написанными (иногда и опубликованными) автобиографиями и биографиями, составленными исследователями чужих жизней¹⁶. Их особенность – слабая представленность истории страны и политических событий и особенная центрация на жизни индивида, а также интерес интервьюирующего, выраженный в обмене вопросами и ответами, в доказательствах и обоснованиях. В случаях, когда интервью были достаточно подробными, долгими (а в описанном выше проекте, часть скриптов которого использованы в данной статье, было проведено около 30 многочасовых, более половины суток, интервью с женщинами-учеными самых разных специальностей и разных поколений, от 1920-х до 1960-х гг. рождения, ставшими докторами наук и профессорами), рассказчицы сами упорядочивали отдельные моменты своего опыта. Не требовалось ни гайда, ни направляющих, наводящих вопросов. Способы этого упорядочения – важная информативная составляющая для историка повседневности, поскольку они дают материал для размышлений о том, как представительницы избранной части научного сообщества конструировали собственные жизни, насколько было значимо для них внешнее (связанное с жизнью страны, историей науки, их институтов), равно как и о том, каким образом они ныне интерпретируют эти страницы своего прошлого. Тем самым социальный психолог может получить важнейшую информацию об отражении в рассказе острого драматизма индивидуальности, а вместе с тем (если уж обобщать), культуры всей группы данного сообщества¹⁷.

Женщины-ученые, рассказывавшие о своей жизни, на удивление мало касались жизни своей сферы науки и страны в целом в те времена. Они говорили о том, что их действительно волновало: а это была их собственная жизнь и переломы в ней. Не стоит сбрасывать со счета и того, что слушательницей (и исследовательницей) в данном научном проекте – «Быт и повседневность женщин-ученых в России и СССР» – выступала ровесница респонденток, обладательница того же образовательного, культурного, социального уровня, достигшая примерно в том же возрасте формальных признаков научного успеха, тех же результатов. Поэтому, возможно, те же самые жизненные и профессиональные истории, рассказанные другим слушателям или слушательницам, могли бы принять совсем иной оборот. Тут же говорили «своя» со «своей».

Разумеется, поиск сходных фрагментов интервью, типологизация секвенций предполагает глубоко субъективный подход к выделению

---

¹⁶ Denzin N.K. Interpretive Biography: Qualitative Research Methods Series. N.Y., 1989. V. 17. P.17.

¹⁷ Engler S. Zum Selbstverständnis von Professoren und der Illusio des wissenschaftlichen Feldes // Wissenschaftskultur und Geschlechterordnung. Über die verborgenen Mechanismen männlicher Dominanz in der akademischen Welt / B. Kraus (Hg.). Frankfurt a. M. – N.Y., 2000. S. 121-151.

иерархии значимого и второстепенного, не исключая вторжения ценностей самого исследователя и, следовательно, влияния его аксиосферы на итоговый вывод. Но иного варианта пока нет. Просто нужно принять во внимание описанную «погрешность».

Далее, «погрешность» вторая. Все собранные биографические интервью – это открытые, незавершенные нарративы о жизни, которая у многих респонденток еще продолжается. Опубликованные мемуары тех, кто уже в «лучшем мире», – совсем иной вид источника. А в собранных биографических рассказах последних лет есть и пропуски, обусловленные политическими или социетальными («не принято говорить», «мне трудно об этом говорить») причинами и разного рода табу, которые не позволяли рассказывать о тех или иных ситуациях. Похоже, о них не только трудно говорить, но и их слушать¹⁸.

Но если уж какие-то эпизоды оказывались проговоренными – они оказывались мощным инструментом коммуникации, так как активизировали взаимное участие в общем обсуждении живой темы, формировали обмен мнениями, помогали саморефлексии и преодолению страхов¹⁹. Причем сразу и интервьюирующего, и интервьюируемой. Случалось, какой-то темы (например, как раз темы дискриминации в прошлом и ее осмысления) респондентки касались в своих рассказах впервые. И впервые признавались в том, что ранее не пытались даже обдумать этот факт.

Тема гендерных дискриминаций почти невозможна в воспоминаниях мужчин-ученых, зато она очень часто проскальзывает в женских скриптах.

«Когда я поступала в институт, мне сказали на экзаменах, что «до вас мы поставили уже несколько 'отлично' мальчикам, поэтому вам (девочке) мы можем поставить только 'хорошо'...»²⁰;
« – Я хотела сдать минимум Ландау, а он уезжает... – Никуда Ландау не уезжает. Просто он у девчонок не принимает теорминимум...» Наукой в физпроблемах всегда занимались мужчины, за всю историю Института в штате было всего 4 женщины, 3 экспериментатора и я, теоретик...Теорминимум по физике – это тяже-

¹⁸ Dresse G., Langreiter N. Nie Zeit, nie frei – Arbeit und Freizeit von Wissenschaftlerinnen // Gruber S., Löffler K., Thien K. (Hg.) Bewegte Zeiten. Arbeit und Freizeit nach der Moderne. München, 2002. S. 121-138.

¹⁹ Labov W. Speech Actions and Reactions in Personal Narrative // Analysing Discourse: Text and Talk. Washington, 1987. P. 219-247.

²⁰ Интервью с Зинаидой Ж. (СПГУ экономики и финансов, 1984 г рождения) // Запись 17.09.2007. СПб (архив автора) [Interv'iu s Zinaidoi Zh. (SPGU ekonomiki i finansov, 1984 g rozhdeniia) // Zapis' 17.09.2007. SPb (arkhiv avtora)].

лое испытание, хуже, чем тяжелая атлетика. Как говорил Дау, «этот вид спорта совсем не для девушек!»...»²¹

Крайне редко и, скорее, сводя все к шутке, кто-то из женщин, простив дискриминирующее действие или высказывание, мог указать на то, что (по сути) речь шла об обиде (много позже, в мемуарах).

«Женщины отдела выразили 'возмущение' А.А.Фридману тем, что в книге «Мир как пространство и время» в примере на арифметизацию он сопоставил свойству *быть женщиной* число **0**, а *быть мужчиной* – число **1**»²².

Частое и привычное желание коллег-мужчин оценивать научные и творческие успехи женщин не по «гамбургскому счету», а как-то иначе, нашло выражение в «мужских мемуарах», в которых успешность женщин в науке приписана не их способностям, а внешности.

«Должен заметить, что все упомянутые дамы [были – Н.П.] не только образованные и умные, но и красивые женщины. Вероятно, это придавало им смелости, все знали о том, что Ландау – ценитель женской красоты...»²³

Ирония сквозит и в иных женских упоминаниях о дискриминации, которую, впрочем, никто не склонен подчеркивать. В воспоминаниях они сглажены, но достаточно обратиться к письмам – и уже не найти никакого иронического подтекста в высказываниях о неравенстве. Скажем, в письме М.В. Нечкиной мужу гендерная асимметрия приписана «буржуазности» мышления чиновников ²⁴.

Простили ли респондентки тех, кто их таким образом принижал в юности? Судя по всему, – да, но они не забыли самого того факта, что простили. И не прочь о нем напомнить устно и письменно, ведь преодоление гендерной дискриминации входит в условный «пакет»

---

²¹ Рютова (Кемоклидзе) М.П. «Есть Ученый совет и семинар по средам. Этого достаточно» [Riutova (Kemoklidze) M.P. «Est' Uchenyi sovet i seminar po sredam. Etoho dostatochno»] // Успехи физических наук [Uspekhi fizicheskikh nauk]. 1994. Т. 164. № 12. С. 1337, 1339.

²² Кочина П.Я. Наука, люди, годы [Kochina P.Ia. Nauka, liudi, gody]. М., 1988. С. 78.

²³ Горобец В. Почему в школе Ландау было так много еврейских физиков? [Gorobets V. Pochemu v shkole Landau bylo tak mnogo evreiskikh fizikov?] // Еврейская газета [Evreiskaia gazeta]. 25 декабря 2007. URL: <http://www.jig.ru/index4.php/2007/12/25/pochemu-v-shkole-l-d-landau-bylo-mnogo-evreiskix-fizikov.html>

²⁴ «Закатывают самый настоящий медицинский осмотр... На последний, как и свойственно буржуазной идеологии, сначала вызывают мужчин, потом женщин» [«Zakatyvaiut samyi nastoiashchii meditsinskii osmotr... Na poslednii, kak i svoistvenno burzhuaznoi ideologii, snachala vyzvaiut mushchin, potom zhenshchin»] (М.В.Нечкина – Д.А. Эпштейну (мужу) 27.04.1928 // Архив РАН [M.V. Nechkina – D.A.Epshteinu(muzhu) 27.04.1928 // Arkhiv RAN]. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 452. Л. 81 об.).

преодоленных невзгод. А успешная научная карьера представляется как постоянный процесс накопления, в котором начальный капитал, выраженный тем или иным дипломом или иной маленькой победой, играет определяющую роль. Очевидный случай несправедливости в отношении проделанной мемуаристкой-дипломницей работы и кражи ее результатов сокурсником (что и определило смену области всего ее будущего научного исследования, и в ней мемуаристка и достигла многих высот) оказался изложенным весьма буднично:

«И мне пришлось признаться, что я отошла от Архангельского словаря после того, как материалы моей части диплома были опубликованы Дерягиным [ставшим крупнейшим ученым впоследствии и рано умершим – Н.П.] в Ученых записках Архангельского пединститута. Я была потрясена, и мне всегда было стыдно это обсуждать. Но Никита Ильич, утешая меня, поведал, что материалы его дипломной работы также увидели свет под другой фамилией. Но Никита Ильич был философ, а у меня победили чувства...»²⁵

Интересно, что для женщин-гуманитариев определенную роль в выстраивании их судьбы играли образцы прошлого, женщины, которыми они восхищались. О своей матери-историке (в будущем – директоре института и академике) ее сын написал:

«Один аспект истории ее задевал лично: роль женщин. Она симпатизировала жене Юстиниана императрице Феодоре, несмотря на известные ее неприятные качества: Феодора была сильной женщиной и играла большую роль в управлении государством. Другой ее любимой героиней была поэтесса Касия, с чувством достоинства ответившая императору, собиравшемуся на ней жениться, и не ставшая из-за этого императрицей. Ей самой приходилось не раз ощущать, что женщине пробиваться в карьере бывает труднее»²⁶.

Те, кто отрицает факт дискриминации женщин-ученых и в то же время причисляет себя к либерально-мыслящим исследователям, любят повторять, что успех в науке зависит не от пола, а от личностных черт²⁷. Не отрицая этого, в целом верного утверждения, трудно не ого-

²⁵ Кимягарова Р. Родной факультет (выпуск 1955-1960) [Kimiagarova R. Rodnoi fakul'tet (vypusk 1955-1960)]. URL: <http://www.philol.msu.ru/~alumni/memories/kimyagarova/>

²⁶ Алпатов В.М. О матери (воспоминания о З.В. Удальцовой) [Alpatov V.M. O materi (vospominaniia o Z.V. Udaltsovoi)]. URL: <http://librarius.narod.ru/personae/zvudal.htm>

²⁷ Carter D. Relationship Between Cognitive Flexibility and Sex-Role Orientation in Young Adults // Psychological Reports. 1985. Vol. 57. No. 3; Selkow P. Male / Female Differences in Mathematical Ability: A Function of Biological Sex or Perceived Gender // Psychological Reports. 1985. Vol. 57. No. 2; Gender and Culture of Science. Women in Science – 1993 // Science. 1993. Vol. 260.

вориться: стремление к успеху воспитать в мальчике прощя и родителыа, и школе, и научному руководителю. Подводя итоги приведенным выше выводам, трудно отказаться от возможности лишней раз напомнить о законодательно закрепленном у нас равноправии.

Но вместо того, чтобы говорить о нем, закончу словами одной из респонденток 1927 года рождения, известного ученого-латиноамериканиста:

«Думаю, что умные женщины все-таки могут быть счастливы. Хотя бы иногда и ненадолго...»²⁸

И они счастливы «иногда и ненадолго», поскольку ищут в науке не богатства, а, как два с лишним века тому назад заметил великий немецкий поэт-романтик Ф. Шиллер, лишь только «познаний и свершений мечты»²⁹.

---

²⁸ Былинкина М. Всего один век. Хроника моей жизни [Bylinkina M. Vsego odin vek. Khronika moei zhizni]. М., 2006.

²⁹ Шиллер Ф. Достоинства женщины [Shiller F. Dostoinstva zhenshchiny]. URL: <http://poesias.ru/foreign-stihi/stihi-shiller/stihi-shiller10014.shtml>